Перевод – Спиркин Никита, 2024

Судебное решение

1. В соответствии со статьями 1800 и 1633 Гражданского кодекса Германии (BGB) опекун, назначенный несовершеннолетнему, состоящему в браке, не имеет полномочий принимать решения относительно местонахождения подопечного. Это касается и несовершеннолетних беженцев, состоящих в фактическом браке, если по закону страны происхождения над ними также не установлена родительская опека (ст. 15, 16, 20 KSÜ).

2. Брак, заключенный в Сирии в соответствии с сирийским брачным законодательством между 14-летним и совершеннолетним на момент заключения брака, будет признан действительным, если супруги принадлежат к суннитской вере и брак уже был консумирован.

3. Если при заключении брака за границей не достигнут возраст супружеского согласия, предусмотренный § 1303 Гражданского кодекса Германии (BGB), это не влечет за собой недействительность брака, даже если предполагается нарушение публичного порядка (ст. 6 EGBGB), если по иностранному праву, применимому к браку в соответствии со ст. 11, 13 EGBGB, брак не будет недействительным, если не достиг регулируемого там возраста супружеского согласия, а может быть только оспорен или аннулирован.

Решение OLG Bamberg от 12 мая 2016 года - 2 UF 58/16

Суд низшей инстанции: решение AG Aschaffenburg от 7 марта 2016 года - 7 F 2013/15

1. Апелляция опекуна (Stadtjugendamt X.) на постановление AG - Familiengericht - Aschaffenburg от 7 марта 2016 года (7 F 2013/15) отклонена.

2. Постановление местного суда - суда по семейным делам - Ашаффенбурга от 7 марта 2016 года (7 F 2013/15) отменяется.

3. Судебные издержки в обоих случаях не взимаются. Внесудебные расходы не возмещаются ни в том, ни в другом случае.

4. Стоимость разбирательства в обеих инстанциях установлена в размере 3 000,00 евро.

5. Апелляция по вопросам права разрешена.

Обоснование:

1. Заинтересованные стороны, X., родившийся 1 января 1994 года, и A., родившийся 1 января 2001 года, являются гражданами Сирии. Они приходятся друг другу двоюродными братьями и сестрами и выросли в одном городе в Сирии. Из-за войны в Сирии оба вышеупомянутых человека бежали из Сирии в Германию по так называемому "балканскому маршруту", куда прибыли 27 августа 2015 года. После первоначального пребывания в P. оба были доставлены сначала в центр первичного приема в C., а затем в X. для регистрации. Там A., которая проживала с X. с февраля 2015 года, была взята под опеку сотрудниками Управления по делам молодежи X. 10 сентября 2015 года. С тех пор A. живет отдельно от X. в молодежном социальном центре для несовершеннолетних беженцев без сопровождения взрослых в H.

В рамках дела 7 F 1439/15 суд по семейным делам города Ашаффенбург (AG - Familiengericht- Aschaffenburg) 16 сентября 2015 года вынес решение о прекращении

родительской опеки над А. (там под именем А.), назначил опекунство и по просьбе общей социальной службы при управлении по делам молодежи города Х. временным распоряжением назначил опекуном Управление по делам молодежи города Х.

В личном письме от 3 декабря 2015 года, полученном местным судом Ашаффенбурга 4 декабря 2015 года, участвующая сторона, Х., обратился в местный суд и заявил, что он женат на А.. Он просил, чтобы Управление по делам молодежи рассмотрело вопрос о передаче под опеку и чтобы его жена была "возвращена" ему. С этой целью Х. представил, среди прочего, свидетельство о браке, выполненное арабской вязью с удостоверительными знаками, перевод на немецкий язык с удостоверительными знаками и дополнительное подтверждение брака, выполненное арабской вязью с удостоверительными знаками. В этой связи в деле имеются ссылки на страницы 4-10.

После устного слушания 18 января 2016 года AG указал в постановлении от 28 января 2016 года, что информация, предоставленная стороной, участвующей в деле

Просьба Х. о пересмотре и отмене опеки была не нужна, так как опека со стороны городского управления по делам молодежи больше не требовалась.

Х. в связи с назначением опекуна для стороны А.. Опекунства больше не было. Напротив, опекун осуществлял свое право определять место жительства и право определять контакты посредством пребывания стороны А. в молодежном социальном центре в Н.. Таким образом, просьбу стороны Х. теперь следует трактовать как заявление о регулировании права доступа. Для принятия решения по этому вопросу AG в своем решении от 28 января 2016 года назначил процессуального адвоката стороне А. 18 февраля 2016 года AG заслушала сторону А. в присутствии назначенного адвоката. Ссылка делается на примечание от 18 февраля 2016 г. (стр. 54/55 д.А.). На устном слушании 22 февраля 2016 года законный опекун объяснил, что единственные сопровождаемые перемещения с тех пор, как они были взяты под опеку, «будут препятствовать интеграции двух сирийских беженцев». Для них обоих непонятно, что теперь им разрешено оставаться в Германии только по отдельности, несмотря на трудности совместного бегства и тот факт, что они поженились в Сирии и уже жили вместе как муж и жена. Ведомство по делам молодежи указало, что можно было ожидать, что стороны А. и Х. будут вступать друг с другом в сексуальные отношения, в связи с их возрастом может быть рассмотрен вопрос об уголовной ответственности по § 182 StGB. По данным управления по делам молодежи, А. не имеет возможности осуществлять сексуальное самоопределение. Кроме того, А. по-прежнему демонстрировала скорее детское или подростковое поведение и, как следствие, подчинялась ожиданиям своей семьи и заинтересованного лица, Х.. В остальном мы ссылаемся на протоколы закрытого слушания от 22 февраля 2016 года.

Постановлением от 7 марта 2016 года Местный суд - Суд по семейным делам - Ашаффенбург постановил, что стороны Х. и А. имеют право доступа в том объеме, в котором А. имеет право проводить с Х. каждые выходные с пятницы с 17:00 до воскресенья 17:00 включительно, начиная с пятницы, 11 марта 2016 года. Местный суд по существу заявил, что стороны Х. и А. находятся районе Х. с сентября 2015 года и поэтому обычно проживают там, и что право доступа, таким образом, регулируется немецким правом.

Х. в любом случае являлся близким родственником по смыслу § 1685 абз. 2 предписания 1 BGB. Поэтому оба имели право на контакт друг с другом. Свидания под надзором продолжительностью два часа в неделю, предоставленные до настоящего времени, не отвечали наилучшим интересам ребенка. В частности, отсутствует угроза совершения

уголовного преступления, предусмотренного § 182 абз. 3 StGB, поскольку отсутствует эксплуатация отсутствия сексуального самоопределения со стороны участвующих сторон.

А. не стоило опасаться. А. нельзя было сравнить с другими немецкими 14- или 15-летними девочками, но она уже жила вместе с Х. как муж и жена в Сирии до совместного бегства. В этом отношении также нельзя было предположить принудительный брак. Поэтому обеим сторонам следует разрешить проводить свободное время вместе без сопровождения взрослых в выходные дни с вечера пятницы по вечер воскресенья. Ссылаемся также на постановление от 7 марта 2016 года.

Городское управление по делам молодежи Х., являясь опекуном стороны А., подало апелляцию на это решение, которая была вручена сторонам Х. и А. (каждая также в арабском переводе) и опекуну ad litem 9 марта 2016 года, а также городскому управлению по делам молодежи Х. марта 2016 года в местном суде. Х. по факсу в тот же день и просил, чтобы путем внесения изменений в оспариваемое решение контакт между сторонами Х. и А. был урегулирован таким образом, чтобы А. право на контакт один раз в неделю с 14.00 до 5.00 вечера, чтобы провести время с Х. в компании третьего лица. Кроме того, городское управление по делам молодежи просило на время приостановить исполнение оспариваемого решения. Городское управление по делам молодежи, по сути, утверждало, что А. еще не в состоянии вести самостоятельную жизнь в силу своего возраста. В случае контакта между ними без сопровождения существует опасение, что произойдет незащищенный половой акт и что А., скорее всего, забеременеет. Поскольку А. и Х. заявили о своем желании использовать средства контрацепции, это было невозможно в эффективной форме, так как 10 марта 2016 года в качестве метода контрацепции выбрана "3-месячная инъекция", но, согласно медицинской информации, эффективная защита без дополнительных средств контрацепции (презервативов) будет возможна только спустя еще 4 недели.

Постановлением от 18 марта 2016 года Сенат временно приостановил действие оспариваемого постановления от 7 марта 2016 года, поскольку вопрос был сложным с юридической точки зрения, а ожидаемые последствия осуществления контакта без сопровождения перевешивали недостатки, связанные с приостановлением действия.

Решением от 4 апреля 2016 года Сенат назначил для А. нового опекуна ad litem, поскольку ранее назначенный опекун ad litem не чувствовал себя в состоянии продолжать свою работу по причине болезни. В заявлении от 17 апреля 2016 года новый опекун-ад-литэм прокомментировала этот вопрос, по сути заявив, что брак между сторонами Х. и А. был заключен в Сирии на законных основаниях и что, даже если предположить нарушение публичного порядка по сирийскому законодательству, оно в лучшем случае может быть оспорено. Исходя из многочисленных бесед, которые она провела с Х. и А., утверждения обоих о том, что ни брак, ни их нынешнее поведение не были обусловлены давлением и принуждением со стороны их семей, были понятны и заслуживали доверия. Кстати, в это время оба также тайно встречались. Оба постоянно заявляли, что любят друг друга. Не было никаких доказательств того, что Х., в частности, оказывал давление на А.. Обеим сторонам должны быть предоставлены контакты друг с другом без сопровождения, по крайней мере, в соответствии с оспариваемым решением. Ограничение совместных контактов друг с другом только сопровождением является контрпродуктивным для обеих сторон ввиду общности поддержки, продемонстрированной совместным побегом. Ссылаемся также на письмо от 17 июня 2016 года.

На закрытом слушании 18 апреля 2016 года Сенат перевел представленные стороной X. документы о браке в Сирии, включая нотариальные записи, присутствующему переводчику и заслушал стороны по этому вопросу.

В электронном письме от 20 октября 2015 года посольство Германии в Б. сообщило в ЗАГС города X., в частности, что на основании присланных документов (выписка из акта гражданского состояния о браке А. с указанным семейным положением; подтверждение брака сирийским шариатским судом) можно предположить, что брак был зарегистрирован в ЗАГСе Сирии и что брак был одобрен судом.

Просьба также ознакомиться с записями о закрытом заседании 18 апреля 2016 года, включая приложения и другие материалы досье.

ii. Апелляция Городского управления по делам молодежи как опекуна принимается, но не имеет успеха с точки зрения поданной апелляции. Вместо этого оспариваемое решение в рамках апелляционного производства должно быть отменено *ex officio* без замены. Сенат не лишен возможности сделать это, несмотря на отклонение апелляции. Запрет на *reformatio in peius* (запрет на ухудшение) в данном случае отсутствует.

1) Апелляция Городского управления по делам молодежи, которая подается в качестве опекуна, является приемлемой, в частности, она была подана в надлежащей форме и в надлежащий срок. Вопрос о том, существует ли в данном случае собственное правовое положение опекуна, а именно право определять место жительства стороны А., в отношении данного контактного вопроса и нарушено ли оно оспариваемым решением (§ 59 абз. 1 FamFG), может быть оставлен открытым в контексте приемлемости апелляции, поскольку факты в этом отношении так называемую двойную значимость. Таким образом, в отношении права на рассмотрение апелляции следует исходить из того, что городское управление по делам молодежи как опекун уполномочено принимать решения в области права на определение места жительства и, следовательно, в вопросах, касающихся контактов А. с другими лицами.

2) Апелляция не удовлетворяет требование, но приводит к отмене оспариваемого решения *ex officio*.

a) Международная юрисдикция в отношении предмета настоящего разбирательства определена. Контакт стороны А. со стороной X., регулируемый оспариваемым решением как следствие права на определение места жительства, относится к сфере родительской ответственности по смыслу ст. 1 п. 1 лит. b, п. 2 Европейского регламента по вопросам брака (Брюссель II а). В вопросе международной юрисдикции Постановление ЕС о браке имеет приоритет перед Гаагской конвенцией о защите детей (Гаагская конвенция) в соответствии со ст. 61 Положения ЕС о браке, если обычное место жительства находится в государстве-члене ЕС, или национальными правилами определения международной юрисдикции (§ 99 FamFG) в соответствии с § 97 абз. 1 предл. 2 FamFG. В данном случае международная юрисдикция немецких судов в любом случае предоставляется на момент вынесения настоящего решения по вопросу родительской ответственности в отношении несовершеннолетней сирийки А. в соответствии с п. 1 ст. 8 Европейского регламента о браке, поскольку в отношении родительской ответственности в отношении А. в другом государстве-члене ЕС еще не было возбуждено производство, а обычное место жительства А. находится в Германии, по крайней мере на момент вынесения настоящего решения (см. BGH NJW 2010, 1351). Понятие обычного места жительства по смыслу ст. 8 п. 1 Регламента должно толковаться автономно и

пониматься как место, где можно признать определенную интеграцию ребенка в социальную и семейную среду, т. е. центр существования ребенка или средоточие условий его жизни. Это должно определяться в соответствии с объективными критериями, при этом в принципе должен учитываться и срок проживания. А. находится в Германии уже около 8 месяцев, включая непрерывное пребывание в центре помощи молодежи в Н. с середины сентября 2015 года. Она бежала от войны в Сирии, чтобы в будущем жить в Германии. В силу этих обстоятельств она имеет обычное место жительства в Германии в соответствии с пунктом 1 статьи 8 Регламента ЕС о браке, так что международная юрисдикция немецких судов основывается на вышеупомянутом постановлении. Даже если бы обычное место жительства еще не было установлено, международная юрисдикция немецких судов вытекала бы из субсидиарной нормы ст. 13 п. 2 Положения о европейском регулировании брака или, аналогичным образом, из ст. 6 Конвенции о статусе беженцев от 28 июля 1951 года (Женевская конвенция о беженцах = GRC) в связи со статусом беженца стороны А.. А. (как и Х.) является беженцем по смыслу ст. 1 Конвенции о беженцах в сочетании со ст. 1 Протокола о статусе беженцев от 31 января 1967 года.

б) Однако апелляция опекуна не была удовлетворена по существу. Поскольку опекун не наделен правом определять местонахождение стороны А., в результате принятия оспариваемого решения не возникло правового ущерба для опекуна. Напротив, оспариваемое соглашение о контактах должно быть отменено без замены, поскольку сторона А. сама обладает соответствующими полномочиями по принятию решений в этом отношении.

Сенат уполномочен отменить оспариваемое решение. Обязанности удовлетворять ходатайства нет, как нет и запрета на ухудшение, поскольку оспариваемое соглашение о контактах является вопросом социального обеспечения, который должен быть рассмотрен в полном объеме *ex officio* (см. только OLG Saarbrücken, 6 UF 126/10, B. v. 10.01.2011; Sternal in Keidel, FamFG, 18-е издание 2014, § 69 абз. 21).

Применимое право для области контакта и проживания в контексте личной заботы как части института родительской ответственности определяется в данном случае CSA. Это касается независимо от наличия или отсутствия обычного места жительства в Германии, поскольку ст. 61 Положения ЕС о браке не препятствует применению коллизионных норм ст. 15 и последующих. Брюссельской конвенции, если международная юрисдикция (возможно, только гипотетически) также будет существовать в соответствии с Брюссельской конвенцией (OLG Karlsruhe, FamRZ 2013, 1238; Hüsstege in Thomas/Putzo, ZPO, Art. 61 EuEheVO para. 5 with further references). Как показано выше, в данном случае дело обстоит именно так. Ст. 15 - 22 CSA также применяются к гражданам государств, не являющихся участниками договора, таких как Сирия, в соответствии со ст. 20 CSA. Таким образом, ст. 21 EGBGB должна отойти на второй план. При отсутствии постоянного места жительства в Сирии ст. 12 предложение 1 Женевской конвенции приводит к тем же правовым последствиям.

В соответствии со ст. 15 п. 1 KSÜ, право родительской ответственности в данном случае определяется немецким правом. В соответствии с этим стороны

А. имеет право на собственные полные полномочия по принятию решений относительно ее проживания и контакта, поскольку она (в конечном счете, правильно) находится под опекой на основании решения Местного суда - Суда по семейным делам - Ашаффенбурга от 16 сентября 2015 года (7 F 1439/15), но опекун не имеет полномочий по принятию решений относительно проживания и контакта с несовершеннолетней А. в соответствии с §§ 1800, 1633

BGB. Также опекун не имеет таких полномочий по принятию решений на основании ст. 16 абз. 3, абз. 4 CSA (или ст. 12 S. 2 GRC) в сочетании с сирийским законодательством об опеке над детьми, поскольку родительская ответственность по сирийскому законодательству в отношении А. прекратилась в связи с браком с Х. в Сирии в феврале 2015 года.

Требования для заключения брака определяются здесь в соответствии со ст. 13 п. 1 EGBGB по сирийскому праву, поскольку А. и Х. на момент заключения брака являлись гражданами Сирии (см. решение BGH от 11 октября 2006 г. - XII ZR 79/04 -, BGHZ 169, 240-255, п. 15). Таким образом, применяется сирийский Закон о личном статусе (далее: PSG) от 17 сентября 1953 года, измененный законом от 31 декабря 1975 года (см. немецкий перевод в Bergmann/Ferid, Internationales Ehe- und Kindschaftsrecht, loose-leaf edition, Länderteil Syrien - arabische Republik Syrien). Поскольку оба супруга, являясь членами суннитской религиозной общины, исповедуют ислам, специальные положения ст. 307, 308 PSG не применимы к друзьям и членам иудейской или христианской веры (см. о последних BGH loc. cit.).

Согласно ст. 1 PSG, брак - это договор между мужчиной и женщиной, который, согласно ст. 5 PSG, требует предложения и принятия этого предложения. Согласно ст. 6, 7 PSG, это может быть заявлено буквально, с помощью других форм выражения, обычно понимаемых в этом смысле, или в письменной форме. Согласно ст. 12 PSG, для действительности брачного договора требуется присутствие двух свидетелей мужского пола или мужчины и двух женщин исламского вероисповедания, находящихся в здравом уме и достигших совершеннолетия. Согласно ст. 15 PSG, для возможности вступления в брак необходимо психическое здоровье и половая зрелость жениха и невесты. Что касается возраста будущих супругов, то согласно ст. 16 PSG для приобретения брачной способности мужчина должен достичь 18 лет, а женщина - 17 лет. Статья 18 PSG делает исключение из этого правила, согласно которому юноши, достигшие 15 лет, и девушки, достигшие 13 лет, могут вступить в брак, если компетентный судья сочтет доказанной физическую и половую зрелость обоих молодых людей. Согласно ст. 18 абз. 2 PSG, для вступления в брак подростков также требуется согласие отца или деда, если они являются опекунами в соответствии со ст. 21 и далее. PSG. В соответствии со ст. 40 и 43 PSG, для заключения брака необходимо подать заявление судье и предоставить документы. Брак жениха и невесты должен быть заключен судьей или судебным чиновником, уполномоченным судьей. Об этом должна быть составлена запись в соответствии со ст. 44 PSG. Кроме того, о заключении брака необходимо сообщить в ЗАГС для регистрации, направив туда копию свидетельства о браке (ст. 45 PSG).

Согласно имеющимся документам, которые были вновь переведены переводчиком на заседании Сената 18 апреля 2016 года, все вышеупомянутые требования для заключения действительного брака в соответствии с сирийским брачным законодательством были выполнены. Нет никаких признаков того, что представленные документы могут быть поддельными. Согласно сообщению по электронной почте от 20 октября 2015 года, у посольства Германии в Б. также нет никаких признаков того, что этот брак не может быть действительным в соответствии с сирийским брачным законодательством.

По мнению Сената, этот брак в Сирии должен быть признан и в настоящем деле, поскольку возможное нарушение ст. 12 предложения 3 GFK или ст. 6 EGBGB (ordre public) не препятствует этому. Действительно, согласно немецкому брачному законодательству, брак может быть заключен не ранее достижения одним из супругов 16-летнего возраста, с освобождением от общего возраста согласия на вступление в брак (18 лет) по решению суда

по семейным делам, когда другой супруг достигает совершеннолетия (§ 1303 (2) BGB). Однако это не означает, что брак, заключенный по иностранному праву, не может автоматически признан, если супруг не достиг совершеннолетия в соответствии с § 1303 BGB. Если формальные и фактические требования к браку в стране происхождения супругов соблюдены в соответствии со ст. 11, 13 абз. 1 EGBGB, в судебной практике возникает спорный вопрос о том, приводит ли и, если да, то до какого возраста, достижение брачного возраста в соответствии с § 1303 BGB к нарушению публичного порядка при заключении брака за рубежом (нарушение подтверждено, напр: KG FamRZ 2012, 1495 - 14-летняя ливанка -; нарушение отклонено, например, AG Tübingen ZfJ 1992, 48 - брак 14-летней немки в Уругвае при уругвайском минимальном брачном возрасте для девочек в 12 лет -; ср. также LG Hamburg, FamRZ 1969, 565 - нарушение положения о брачном возрасте не влияет на действительность брака -).

Однако в данном случае вопрос о нарушении публичного порядка может быть оставлен открытым, поскольку даже при условии такого нарушения брак действительным. Правовым последствием нарушения германского публичного порядка является неприменение иностранного положения. Таким образом, юридические последствия изначально определяются тем, как они возникают из нарушенного закона, то есть в данном случае из сирийского закона о браке, игнорируя исключительную норму статьи 18 PSG о снижении брачного возраста. В связи с этим сначала необходимо попытаться устранить пробел в регулировании, возникающий в результате неприменения положения, противоречащего публичному порядку, по возможности в соответствии с иностранным правом (BGH NJW 1993, 848).

В этой связи Закон о личном статусе Сирии содержит в ст. 47-52 положения о том, что брачный договор является действительным, если соблюдены его основные элементы и общие требования (ст. 47 PSG), при этом данное положение относится ко второй части Закона о личном статусе Сирии (ст. 5 - ст. 46 PSG). Согласно ст. 48 п. 1 PSG, брачный договор является дефектным только в том случае, если основание для заключения брачного договора в виде предложения и принятия, но другие требования не полностью. Согласно ст. 48 п. 2 PSG, недействительным является только брак мусульманки с немусульманином. Что касается дефектного брачного договора, который существовал бы в данном случае, если бы супруги не достигли возраста согласия в соответствии с сирийским брачным законодательством, ст. 51 абз. 1 PSG предусматривает, что дефектный брачный договор соответствует только недействительному брачному договору, который не имеет юридической силы в соответствии со ст. 50 PSG, пока сожителство состоялось. Кроме того, ст. 51 абз. 2 PSG предусматривает, среди прочего, обязанность выплатить моральный ущерб за дефектный брачный договор после сожителства.

Положения ст. 47-52 PSG не содержат положений о том, что дефектный брачный договор после сожителства ведет к недействительности брака. Таким образом, ст. 47-52 PSG не содержат положений о том, что дефектный брачный договор после сожителства ведет к недействительности брака. Согласно информации, представленной на слушаниях в Сенате, супружеские отношения имели место уже после заключения брака между А. и Х..

Наконец, ст. 305 PSG предусматривает, что "преобладающая теория ханафитской доктрины должна применяться" в отношении любых оставшихся пробелов в регулировании. В этом отношении ханафитская школа права является наиболее распространенной школой

права в суннитском исламе (см., например: <https://de.wikipedia.org/wiki/Hanafiten> - по состоянию на 28 апреля 2016 г.). В данном случае и А., и Х. принадлежат к суннитской религиозной общине согласно их собственным заявлениям, точность которых не вызывает сомнений. Согласно суннитскому праву, недействительность брака может быть рассмотрена только в случае брака немусульманина с мусульманкой, в то время как другие недействительные браки могут быть только оспорены (см. Kammergericht, FamRZ 2012, 1495 со ссылкой на Rauscher: Sharià, islamisches Familienrecht der Sunna und Shià).

Это означает, что по сирийскому законодательству брак является лишь дефектным и оспоримым, но не недействительным. Кстати, это также соответствует немецкому брачному праву, поскольку брак, заключенный по немецкому праву, может быть аннулирован в соответствии с § 1314 (1) Гражданского кодекса Германии (BGB) только в случае несоблюдения возраста согласия в соответствии с § 1303 BGB. В данном случае процедура аннулирования или оспаривания данного брака не рассматривается (§ 1313 BGB). Таким образом, применение иностранного права в данном конкретном случае не приводит к результату, который перестает быть приемлемым с точки зрения фундаментальных немецких правовых концепций. Это было бы так, если бы из соответствующего иностранного права нельзя было бы вывести эквивалентное решение, соответствующее немецкому правопониманию (BGHZ 169, 240-255, п. 50). Однако, поскольку правовые последствия идентичны в обеих правовых системах, оснований для исправления нет.

Толкование § 182 (3) StGB этого не меняет. В этом отношении уголовная ответственность 14-летних сексуальных партнеров подлежит оценке в каждом конкретном случае (см. BGH StV 2008, 238). Законодатель не предусмотрел общей криминализации сексуальных действий лиц старше 21 года с лицами, не достигшими 16-летнего возраста. Статья 176 Уголовного кодекса Германии (StGB) применяется только к лицам, не достигшим 14-летнего возраста.

Наилучшие интересы ребенка также не требуют иной оценки в данном случае. Конвенция ООН о правах ребенка (КПР) не содержит возрастного предела, ниже которого случае заключения брака обязательно предполагается нарушение прав ребенка. На момент вступления в брак А. было 14 лет, сейчас ей 15 лет и 4 месяца. Супружеские отношения имели место уже после заключения брака. Оба супруга вместе бежали из Сирии в Германию и вместе преодолели значительные опасности (путешествие: перелет из Сирии в Турцию, затем две лодочные переправы из Турции в Грецию с последующим переездом через Балканы в Германию). Также нет никаких ощутимых признаков того, что данный брак может быть принудительным.

В данном случае признание сирийского брака не препятствует потребности обоих супругов в интеграции, способствующей будущему благополучному образу жизни в Германии. В частности, несовершеннолетняя А. частично отказалась от участия в интеграционных мероприятиях в связи с отказом городского управления по делам молодежи предоставить ей жилье в общежитии для беженцев. По мнению Сената, заслушивание фигурантов А. и Х. показало, что оба имеют вполне обоснованную готовность успешно пройти курсы немецкого языка, а также мероприятия школьного и профессионального обучения при условии, что у них будет возможность сделать это в будущем при совместном проживании как семейная пара. В этом отношении процессуальный защитник занял последовательную позицию и заявил, что нынешнее обучение несовершеннолетнего А. в обычной школе г. Н. приносит мало пользы из-за отсутствия языковых навыков, и что куда лучше будет сначала посещать курсы немецкого

языка для приобретения достаточных языковых навыков. Таким образом, общие обстоятельства не приводят к необходимости считать брак, заключенный в Сирии, недействительным с точки зрения законодательства о защите детей. В связи с фактическим браком несовершеннолетних А. и Х., права личной опеки родителей также ограничиваются в соответствии с разделом 1633 Гражданского кодекса Германии (BGB) и разделом 1800 Гражданского кодекса Германии (BGB).

Это означает, что несовершеннолетний, состоящий в браке, имеет право определять место жительства и, следовательно, право решать вопрос о контактах с другими лицами, а не обладатель родительской опеки в других отношениях.

В данном случае это не дополняется ст. 16 п. 3, п. 4 CSA (или ст. 12 предложение 2 GFK) в сочетании с сирийским законодательством об опеке над детьми, поскольку, согласно сирийскому законодательству об опеке над детьми, право родительской опеки полностью прекращается, когда несовершеннолетний ребенок вступает в брак. Это можно увидеть, обобщив положения о брачном праве в соответствии с сирийским PSG. Согласно ст. 65 PSG, муж обязан предоставить жене подходящий дом, а жена обязана путешествовать вместе с мужем в соответствии со ст. 70 PSG. Согласно ст. 75 PSG, жена нарушает свои супружеские обязанности, если покидает совместное жилище без законной причины. Наконец, в этом отношении необходимо также учитывать ссылку в ст. 305 PSG, где в качестве дополнения упоминается ханафитская правовая доктрина. Согласно ей, муж имеет право на "опеку" над своей несовершеннолетней женой. Независимо от того, что такой автоматизм может противоречить публичному порядку (согласно § 1778 (3) BGB, взрослый муж может быть опекуном несовершеннолетней жены), из вышесказанного следует, что по сирийскому законодательству родительская ответственность за несовершеннолетних, состоящих в браке, не возникает. Следовательно, за основу следует брать только вышеупомянутую немецкую правовую ситуацию, которая также распространяется на назначенного опекуна в соответствии с § 1800 BGB.

Попечительство, установленное неоспоримым решением от 16 сентября 2015 года, является статусным решением, которое продолжает существовать без изменений и, следовательно, является действительным. Кроме того, на основании вышеизложенного, опека была назначена правильно в связи с приостановлением родительской опеки - хотя и в ограниченной степени в силу ст. 15 KSÜ, § 1633 BGB - в соответствии с § 1773 BGB (см. Götz in Palandt, BGB, 75-е издание, § 1773 абз. 1 а.Е.).

В итоге можно сделать вывод, что в связи с ограничением полномочий назначенного опекуна по принятию решений в соответствии со статьями 1800 и 1633 Гражданского кодекса Германии (BGB) стороны А. в конечном итоге сами имеют право на проживание и полномочия по принятию решений о своих контактах с другими лицами, и поэтому решение AG от 7 марта 2016 года о регулировании контактов было принято без законных оснований. В отсутствие прав опекуна на личную опеку в этом отношении, AG не был уполномочен издавать распоряжения, касающиеся прав на контакт. С вступлением в брак полномочия по принятию решений о праве проживания несовершеннолетнего, состоящего в браке, а также право и обязанность фактической заботы в соответствии с § 1633 BGB выходят из сферы родительских полномочий и, следовательно, из полномочий опекуна по принятию решений в соответствии с § 1800 BGB (см. OLG Hamm, MDR 1973, 315).

Учитывая вышесказанное, нет никаких полномочий для принятия мер по установлению

контакта, поскольку сторона А. имеет право переехать к своему мужу в любое время. Поскольку опекун должен уважать это, просьба стороны Н. к АГ, таким образом, удовлетворяется.

с) Несмотря на то, что апелляция Управления по делам молодежи в качестве опекуна без удовлетворения, Сенат считает целесообразным применить

§ 81 абз. 1 FamFG не взыскивать судебные расходы и не возмещать внесудебные расходы в обеих инстанциях. Апелляция по вопросам права разрешена, так как вопрос имеет принципиальное значение, § 70 абз. 2 № 1 FamFG. Федеральный суд еще не вынес решения по вопросу о том, является ли брак за границей в возрасте до достижения супружеского согласия в соответствии с § 1303 (2) BGB нарушением публичного порядка и может ли, с точки зрения наилучших интересов ребенка, такое правонарушение в исключительных случаях рассматриваться как нарушение публичного порядка, несмотря на правовые последствия.

в §§ 1313, 1314 абз. 1, 1315 абз. 1 № 1, 1316 и далее BGB признание брака недействительным. Уведомление о средствах правовой защиты:

Апелляция по вопросам права на данное постановление является допустимой в соответствии с § 70 и последующими. FamFG, поскольку и в той степени, которой это разрешено данным постановлением. Апелляция по вопросам права должна быть подана в течение 1 месяца в Федеральный суд Карлсруэ Херренштрассе 45а 76133 Карлсруэ.

Течение срока начинается с момента письменного уведомления о принятом решении. Если письменное уведомление направляется путем вручения в соответствии с положениями Гражданского процессуального кодекса, то решающим является день вручения. Если письменное уведомление направляется по почте и уведомление должно осуществлено в Германии, документ считается уведомленным через 3 дня после отправки, если только заинтересованная сторона не сможет убедительно доказать, что документ не получен или был получен в более поздний срок. Если письменное уведомление стороны не может быть осуществлено, срок исчисляется не позднее чем через 5 месяцев после вынесения постановления (§ 38 (3) FamFG). Если окончание срока приходится на воскресенье, праздничный день или субботу, срок заканчивается в конце следующего рабочего дня.

Апелляция по вопросам права подается путем подачи уведомления об апелляции.

Уведомление об апелляции должно содержать название приказа, на который подается апелляция, и заявление о том, что апелляция подается на этот приказ.

Стороны должны быть представлены адвокатом, уполномоченным практиковать в Федеральном суде, который должен подписать уведомление об апелляции.

Органы власти и юридические лица публичного права, включая ассоциации, созданные ими для выполнения своих публичных обязанностей, могут представлены своими собственными служащими или служащими других органов власти или юридических лиц публичного, включая ассоциации, созданные ими для выполнения своих публичных обязанностей. Лицо, уполномоченное представлять, должно обладать квалификацией для занятия судебной должности.

Представительство адвоката не требуется для сторон, которые представлены Управлением по делам молодежи в качестве консультанта.

Если апеллянт не должен быть представлен адвокатом, уведомление об апелляции

должно быть подписано им или его уполномоченным представителем.

Если в уведомлении об апелляции не указаны основания, апелляция должна быть обоснована в течение одного месяца. Срок исчисляется с момента письменного уведомления об оспариваемом решении. Если окончание срока приходится на воскресенье, праздничный день или субботу, срок заканчивается в конце следующего рабочего дня.

Основания для подачи апелляции по вопросам права должны включать

1. заявление о том, в какой степени решение оспаривается и требуется его отмена (заявления о применении средств правовой защиты);
2. указание оснований для апелляции, а именно
  - a. конкретное указание обстоятельств, из которых вытекает нарушение;
  - б. в той мере, в какой апелляция основана на факте нарушения закона в отношении процедуры, указание фактов, которые привели к дефекту. Копия или заверенная копия приказа должна представлена вместе с апелляцией.

Параллельная ссылка(и):

FamRB 2016, 375

MDR 2016, 772

ФамРЗ 2016, 1270